

Лариса Патракова

За пазухой выси горней

Сборник стихотворений

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 20

Патракова Л.Р.

П 20 За пазухой выси горней. Сборник стихотворений. –
М.: «Новые Витражи», 2018. – 142 с.

ISBN

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Патракова Л.Р., 2018
© РОО Литературное сообщество
«Новые Витражи», 2018

Благодарность

Я и сейчас вижу, как Лермонтов поддерживает небосвод над Россией. У каждого своя реальность...

И мне просто некуда деться. Самые сильные детские впечатления связаны с поэтическими строчками и со смертью Пушкина.

Многие человеческие судьбы завораживали, оставляли ощущение тайны. Но судьбы поэтов прожигались как моя собственная реальность – словно и тайны никакой не было. Странные были и попадания несколько раз: читаешь строки Лермонтова и знаешь, почему он так написал, а в других текстах понимаешь, где продиктовано небом, а где просто хорошо сработанная строка. У неба-то не всегда допросишься.

Поэтическое слово создавало Россию, её судьбу. Сказители, плакальщицы, поэты вынырнули русскую душу во всей её пронзительной бескрайности, готовности болеть за общую лучшую долю, болеть

больше, чем радоваться. Россия всем, буквально всем обязана слову. И тем, кто этим словом царственно владел.

Большая удача, что я не обременена никаким статусом на земле, но всё отчётливее я осознаю себя словом. С маленькой буквы: словом... И метафора меня оправдает.

***Лариса Патракова
27 сентября 2018 г***

ДЕРЖАВИН СПАЛ

Поэты

Изъедена правда. До дыр доносила
Покровы свои убиенная память.
Какие поэты спасали Россию
Стихами!

В трухлявом дупле до зари цепенеют
В лесах непроглядных, как мёртвые, совы.
В косматых застенках, где петь не умеют,
Пытается слово.

Страшны беспощадною правдой архивы:
Здесь сердце и мозг – тёплый пепел мессии...
Какие поэты любили Россию!
Поэтому – живы.

6 мая 2016 г

* * *

Гавриилу Державину

Державин спал. В полуоткрытый рот
Стремилась мухи, но не залетали.
Окно открыто, душно в пыльной зале,
Старик неаккуратен: свежий мёд
Прилип янтарной бусинкой к запястью...
Державин спал. В нём Бог, и царь, и червь
Хранились небом, как избыток счастья,
И Пушкин, не спросясь, ломился в дверь.

2 июля 2017 г

* * *

Александрю Пушкину

Руку твою держала
В детстве, до первых слов, –
Сильную, как держава,
Мудрую, как весло.

Холодом обжигала –
Только бросил перо...
Руку твою держала –
Старое серебро.

Криком губ не разжала –
Жизни огонь пронзил...
Руку твою держала –
Руку не отпустил.

* * *

*«Мой первый друг,
мой друг бесценный...»*

А.С. Пушкин

Почему-то именно январь,
И особенно его начало,
Так уныл, как старый календарь,
Сотню раз пролистанный с начала.
Снегопады были, но давно
Кончилось их белое круженье,
И теперь в незрячее окно
Хоть бы ветер стукнул в нетерпенье...
Ждать бы что-то... Нечего и ждать.
Спать, пожалуй. Тишина, как льдина,
Необъятна и непобедима:
Закричишь, и то не разорвать.
Завтра новые налить чернила...
Чтобы няня полог починила...
Семь иль восемь на часах пробило...
Колокольчик как звенит уныло...

Колокольчик?! Слишком странный сон –
Он ещё с пером иль это снится?
Но какая чистая страница...
Колокольчик! – Это точно он!
Два прыжка, и в поднятой руке
Бьётся свет, как крошечное знамя...
Тот январь теперь навечно с нами,
Тот февраль уже невдалеке.

* * *

Александрю Пушкину

Закрыв глаза, смотрела в даль зеркал
И видела себя в чужом обличье:
Заветный перстень серебром мерцал,
Фрак, чуть потёртый, но ещё приличный,
Очерчивал изящный силуэт,
И рук крылатых сильное течение
Отбрасывало яростные тени –
Навстречу пристально смотрел Поэт.
Мы жили в этих зеркалах вдвоём –
Мы жили, совмещая два столетья,
Нас поглощал старинный водоём
И не было ни суеты, ни смерти.
Всё в зеркалах струилось за предел
Судеб и тайн, отчаянья и сказок,
Поэт оттуда в даль мою глядел.
Я не окликнула его ни разу,
И он меня ни разу не позвал:
Слова для нас утратили значенье.

Но тех зеркал чарующий овал,
Но времени нездешнее течение,
Но вечность там, где даже вдоха нет,
Но эти сны, в которых было странно
Смотреть, как слово добывал Поэт...
Полжизни прожила за чёрной рамой,
Цедила этот жадный, вечный свет
И знала цену мудрого обмана.

* * *

*«Завтра вам говорить слово
поминовения на могиле Пушкина»*

Из разговора с С.С. Гейченко

Этой ночью я одна
Выйду слушать зов метели,
Не душа – пуста сума,
И слова все отлетели.
Выйду слушать парка шум
И Михайловские дали.
Повинюсь и попрошу –
Слово первое подарят.
«Пушкин, – я скажу, – мы здесь».
Ветер ветку не колышет.
И собор стоит, как весть,
Сквозь столетия услышан.
И слова живут во мне
Бормотанием невнятным,
Словно тени на стене,
Не сошедшие обратно.
Их не хватит помянуть
Той зимы февраль бессмертный...

Вечный снег заносит путь,
Птичьи домики – конверты,
Где письма живой восторг
Запечатан, будто чудо:
Снег идёт рядами строк
К вам – туда, и к нам – оттуда.
Этот снег не зря валит:
Кто-то дальний вслед за вами
Оступается в гранит
Гениальными словами...
«Пушкин, – я скажу, – мы здесь».

* * *

Александр Пушкину

С грецкий орех в середине июля
Падал нездешний, непонятый град.
Каждую ноту сию караулю...
Свечку задули, гроза, как набат
Над покосившейся старой избушкой,
Яблони в страхе закрыли глаза...
Слышу: шаги... Это мимо шёл Пушкин,
Это над ним потешалась гроза.

*Июль 2000 г
Михайловское*

Озноб. Февраль в Сиднее

Знобит с утра. Ты нищ и наг,
И холодно до неприличья,
В горячем воздухе сквозняк.
У февраля таков обычай:
Знобит. Иначе и нельзя.

Шар солнца преломился ломко,
Огнём обугленная жизнь
Повеет холодом вселенским:
Вдоль Чёрной речки стон позёмки
Рождает сны и миражи...
Зря Пушкин притворился Ленским.

Сквозняк листает ложь страниц,
Прочитанных всегда с изнанки, –
Так врут усталые цыганки,
Читая правду наших лиц.

Февраль 2018 г

Моцарт. Пушкин

Оркестр взлетает над судьбой.
Ночь. Моцарт. Оплывают свечи.
Бесстрашно-трепетный гобой
Пространство лечит.

Вплывает в ночь виолончель
Всем телом полнозвучно-мудрым,
Звук слизывает жар свечей,
Слух зарастает перламутром.

Гобой настигнет впредь, как встарь,
Смывая ложь и дифирамбы,
Как по колено наш алтарь
Засыпан пятистопным ямбом.

Сальери. Моцарт. Пушкин.

Одно мне ясно: Пушкиным отравлен
Навечно Моцарт. Не хотела верить,
Жила с заветной ложью о Сальери:
Не в первый раз мне подменили правду.

И в слове совершенства яд густой
Сочится в душу ангела не слышней,
И Пушкин бледен, и так трудно дышит:
Убить не просто. Моцарта. За что?

2 августа 2018 г

Смеялся Пушкин

Сегодня утром смеялся Пушкин
В соседней комнате громче всех...
Гремели грозы, резвились пушки,
Кружились звёзды под этот смех.

Меня бесстрашно спасало чудо:
На чёрной лестнице свет зажгли!
Смеялся Пушкин – как бил посуду:
Я заплатила его долги.

А.П. и Б.П.

Мы пленники единого числа...
И я была любима той метелью:
Когда она одела в саван землю,
Я свечечку зажжённую несла.

Пусть это никого да не смутит:
Единой буквой связаны мы трое,
Не избежать нам этого пути:
Мы пленники нездешнего Покоя.

Не сравниваю, не стараюсь быть,
Не задеваю солнечные тени.
Я говорю о чуде совпаденья:
Числа и буквы золотая нить...

Л. П.

* * *

Михаилу Лермонтову

Всё начиналось с колыбели:
Укладывая дочку спать,
Ей песен радостных не пели.
Умея лишь стихи читать,
Из всех стихов предпочитая
Всегда одно: «Погиб поэт»,
Мать, надо мной его читая,
Твердила, что пощады нет.
Из первых слов на этом свете,
Из первых истин и тревог,
Я знала эту – о Поэте.
Весь долгий колыбельный срок
Ни сказок, ни иных созвучий
Не знала я над колыбелью:
Молоденький и злой поручик
Стоял, как страж, за нашей дверью

* * *

Михаилу Лермонтову

Мы встретились с Поэтом. (Просто сон?)
Но явь отчётливей едва ль бывает.
Таких наград за так не добывают:
Я разрушала времени закон
Для этой встречи. И платить придётся
Не знаю чем. Но счастье и потеря
Всегда в обнимку ждут за нашей дверью,
И стук всегда похожий раздаётся.

Детское

Я развезла цветы своим друзьям:
У Пушкина была, у Грибоедова,
А Лермонтов не выдержал и сам
Мне позвонил: «Вы дома? Я приеду».

Свечу зажгла и сразу ждать устала:
Минуты шли, пора ему и быть...
Черновики в который раз листала,
Когда случилось двери отворить.

Не подавая трепетной руки:
«По делу я. Да знаете вы сами.
Оставьте же игру с черновиками:
Я объясняться – не читать стихи.

Для вас и век как будто не преграда –
Вы любите меня... Иной награды,
Поверьте, ни за что бы не желал,
Когда б нас с вами век не разделял.

И рад бы вам ответить – и нет сил:
Я мёртв. Легенда. С вечностью не шутят.
Не надо, девочка. Так будет лучше.
Забудьте, что сегодня приходил».

И поклонился молча и устало...
Беспомощно черновики листала,
Но вслед ему смотреть не перестала...

* * *

Якову Полонскому

Пусть однажды приснится Полонский
На скамейке промокшего сада,
Зачарованной рыжей полоской
Вьётся солнечный шлейф за оградой.

Почему здесь трава зеленее
И чирикание ласточек ближе,
И открытая книга имеет
Тонкий запах стихов о Париже...

Всё стремится к покою в природе:
Ветер, небо, листва и закаты...
Что же сердце покой не находит?
И душа ожиданием объята...

На расшатанных жизни подмостках
Кто-то старую книгу закрывает...
Непрочитанный, мудрый Полонский
Не приснится. Не будет покоя.

Ночь с 21 на 22 сентября 2014 г

* * *

Александрю Блоку

По вечерам, над ресторанами,
Роня свет большой Луны,
Проходит жизнь с улыбкой пьяною,
Как будто не знакомы мы.

Я, как любовник, ею брошенный,
Ловлю огонь её очей,
Под насыпью, во рву несокошенном,
Со смертью изменяю ей.

Как призрак, без примет и имени,
Теку в обманчивую даль,
И верю, как живой: обнимет там...
Аптека. Улица. Фонарь.

16 января 2014 г

* * *

Николаю Гумилёву

Как смешались легенда и кровь,
Полдень зноя с крещенским дыханьем.
Ваш фрегат, капитан Гумилёв,
До сих пор не меняет названье.

Те же в трюмах бесценные грузы,
Тот же свет от далёкой звезды
И дыханье загадочной Музы
С беспощадной ухмылкой судьбы.

Всё, как прежде. И всё же иное:
Открыватели нового дня
С чистой совести не отмоют
Кровь, что брызнула и на меня.

И в купели с крещенскою стужей,
Точка пули взорвётся, как стих.
Не осыпется золото с кружев...
Ваш фрегат своей цели достиг.

*Крещение 2014 г
Австралия*

* * *

Осипу Мандельштаму

В его стихах количество камней
Достанет на постройку пирамиды.
Каменотёс? Но слишком нежный с виду.
Каменотёс. И он же – соловей.

Целует горло солнечная нить,
Уходят в вечность корабли и льдины...
Я список продолжаю с середины
В надежде угадать: куда ж нам плыть?

* * *

Осипу Мандельштаму

Звенит дороги золотая нить,
Послушная смычку кабриолета.
Декабрь. Конец. И почему-то лето?!
И непонятно, как его прожить

Австралия смеётся мне в глаза
Солёной пылью океанской влаги,
А ночью тянется перо к бумаге:
О чем-то мне забыть никак нельзя...

Сегодня день собой от счастья пьян:
Резвлюсь дельфином в радуге прибоя...
Декабрь! Конец!! Но что так беспокоит?..
СЕГОДНЯ ГДЕ-ТО УМЕР
МАНДЕЛЬШТАМ...

*27 декабря 2013 г
Сидней*

* * *

Константину Бальмонту

Сонеты Солнца, мёда и Луны
В овале древней рамы, с совершенством,
Которое постичь уже блаженство,
Уверенной рукой заключены.

Какою правдой тихою полны,
Какая точность замысла и жеста,
И формой продиктованное место
Обычных слов над бездной глубины.

Вкус мёда остаётся на устах,
Восходит Солнце на страницах этих,
И полная Луна трепещет светом...
Когда душа угрюма и пуста,
То в даль моей страницы тихо светит
Манящий пламень вечного сонета.

* * *

Константину Бальмонту

Святая закруглённость форм –
Во всём стремление к овалу.
Апрель. И роща перед балом.
Поодаль – клён.

Лист разлохматит ближний лес,
Жизнь грянет звонкой птичьей трелью,
Клён – обещание в апреле
Больших чудес.

И пусть дожди, пусть плащ и зонт,
А клён, как Бальмонт спозаранок,
Кудрявится зелёной раной,
И ничего, что он Бальмонт.

Поэзия – весенний дым,
Как чаша с влагой первородной,
Для самых изнутри голодных,
А клён – один!

*2 февраля 2018 г
Сидней*

* * *

Марине Цветаевой

В старом доме и дерево – камень,
День за днём каменело веками –
Триста лет. День за днём, день за днём.
И попробуй теперь взять огнём –
Лишь облизнет бессильное пламя.
В старом доме и дерево – камень.

* * *

Марине Цветаевой

Из русской речи, из московских улиц
Вошла, всей русской сутью узнаваема,
Та, кому вслед с восторгом обернулись, –
Цветаева.

По русской совести, по русской боли
Прошла, уже тогда незабываема,
Та, чью судьбу ничто не обездолит, –
Цветаева.

На русской памяти, (всегда с раскаяньем)
Стих захлестнула, выдохнуть заставила
Растерянно, с восторгом, с опозданием –
Цветаева.

Цветаева и Блок

Не окликнула, глаз не вскинула –
Не обжётся бы ненаглядный.
Самого на себя покинула,
А могла бы стать Ариадной.

Завязала узлами улицы,
На которых могли бы встретиться...
Несбываемое не сбудется:
Как не кликнула, так ответится.

Залы белые все обрушила,
Где могли бы – нет выхода – встретиться...
Даже сны о нём все задушены:
Как не кликнула, так ответится...

Не окликнула, глаз не вскинула,
Слова шёпотом не сказала:
Самого на себя покинула.
Как умела, так и спасала.

* * *

Марине Цветаевой

Вся – за пределами души,
Вся – камнепадов ритм незрячий.
Рот поцелуями истрачен,
Как нитью жаркою зашит.

Вся – пепел собственного крика,
Где в тайну втопанную суть
Слова доверчиво несут,
Но жизнь беспомощна, как книга.

Ритм хлещет – не остановить,
Слова измучены восторгом...
Петлёю вышила на горле
Молчанья пламенную нить.

Ночь на 17 октября 2016 г

* * *

*Почитателям
Марины Цветаевой*

Каждое слово, слетевшее с пухлых уст,
Вывернули наизнанку, зацеловали.
Тысячи строк залюблены наизусть,
Тысячи роз, только вспомнив о ней, увяли.

На одном гвозде построили в даль небес
Башню любви с лёгкой гордостью
за причастье
К судьбе одной единственной из поэтесс,
Которая страстно боялась счастья.

И за неё проживая опять и вновь
Каждое слово, которым она болела,
Веруя свято, что это и есть любовь,
Никто не услышал, о чём она пела...

21 июня 2015 г

* * *

Анне Ахматовой

Символика древних гербов –
Язык, обречённый забвенью:
Двух старых, породистых львов
Роскошные гривы над дверью.

Войдём в перестроенный ритм
Окон, перекрытий, панелей...
Попутчик случайный, соври,
А я тебе жадно поверю.

Читай мне священную ложь
Лепнины, плафонов, паркетов
И тайной недавней тревожь –
Мы входим в жилище поэта.

Наследую памяти зов,
Не гостя и не чужестранка...
Соври мне бесстрашно и зло.
А в окнах всё та же Фонтанка.

* * *

Анне Ахматовой

Я спорила с Ахматовой однажды.
Испуганно и в детском нетерпенье
Ждала, что небо, наконец, накажет
За несмиренье.

Четыре строчки – всё моё богатство,
Тысячелетней жатвы полный колос,
Не нравились ей так, что разрыдаться
Хотелось в голос.

Бессмертные ей доводы служили,
И чуть обугленные веки птичьи
Взгляд удивлённый, пристальный тушили:
Я спорила на грани неприличья.

Все доводы мои были неясны,
Я успевала разминуться с ними...
Вздыхнув, она спросила моё имя,
И я проснулась правой и несчастной.

* * *

Борису Пастернаку

Пространство болело
 своей несказанною сутью,
На яблонях старых
 гнездились невнятные рифмы,
Не здесь начинался
 подаренный вечностью путь мой,
Но я была частью незваной
 и этого мифа.

Во мне оживали
 все шорохи здешние, вздохи,
Томленье страниц перед словом,
 что слишком желанно,
Любовь и предательство –
 крылья минувшей эпохи,
Но только для них я была
 навсегда безымянна.

Я тихо прошла
 по измученным старым аллеям,
Один и окликнул,
 признав во мне ангела света,
И пусть он ошибся,
 мы оба о том не жалеем.
И рифмы созрели.
 И боль отпустила с рассветом.

*17 сентября 2016 г
Перedelкино*

* * *

Борису Пастернаку

Мучкап. Чайная. Мухи. Пастернак.
Сто лет прошло и только мухи те же.
Жизнь исчерпала чаянья, надежды,
Лишь слово пробивается сквозь прах.
Сижу в чайной, в трёх метрах от стиха,
Где, обретя бессмертье, мухи реют...
Прошёл Живаго. Если он успеет,
Продлится жизнь, возможно, на века.

* * *

Велемиру Хлебникову

Притоком Волги, сотканный из чисел,
Из птичьих голосов, из тьмы столетий,
Течёт раздольной, сумасшедшей мыслью
Через ковыль да ветер.

Свистят в ушах то ноль, то единица,
Пронесются в значеньи первородном,
И Бог Числа не устаёт делиться
И умножаться, застревая в лицах
Зрачком голодным.

И нива слова хлебом колосится:
Числом рождённый – ритмом не обижен.
Выклёвывая изнутри глазницы,
Сова пирует на краю страницы,
А я не вижу.

17.09.2016 г

* * *

Даниилу Андрееву

Слышу, слышу озабоченно
Ровный гул и лязг железа...
Там, за облачной обочиной
Бьются всадники над бездной.

Каждый вздох мой, слово каждое –
Всё для них дорожке злата...
Десять тысяч – безобразные,
Трое – лёгких и крылатых.

День и ночь бои неравные...
Эти трое – вспышка света...
Десять тысяч обезглавлены,
Да троим победы нету...

Слышу, слышу рать нездешнюю,
От рассвета до рассвета,
Озаряет тьму кромешную
Золотая вспышка света.

* * *

Даниилу Андрееву

Синий ленок я сеяла
На дорогой могиле,
Пророчество Елисеёво
Исполнено на Данииле.

Так неожиданно-негаданно
Я распахала пашню,
Запахло российским ладаном
У Новодевичьих башен.

Под звоны пасхальной радости
Свеча горела в землице,
И поминальной сладостью
Век мне не насладиться.

Крестом лежала Вселенная,
Цвёл крест на его могиле,
В руках моих роза нетленная
Молилась о Данииле.

* * *

И.Э.

Как украшает время вензель этот –
Свечение сквозь мрак двух гласных букв!
Шли люди, годы, жизнь и буря света
Имела позывные: ЭРЕНБУРГ.

* * *

Игуменья Таисии Леушинской

Постигла солнечную суть
И дара, и креста...
А дар и крест всегда спасут.
Была б душа чиста.

* * *

Ксении Некрасовой

И говорила – как трава растёт:
Неслышно, вдоль дорог и у заборов,
А отголосок этих разговоров
Ещё сейчас вдоль улицы идёт.

Проходят в своей детской простоте
Слова, слетевшие с твоей страницы,
И гнёзда ими устилают птицы,
Поверив незаметной доброте.

И корни заплетают их в стволы
Больших, неумирающих деревьев,
Всею сутью ощущая их доверье,
Жуют с травой их добрые волы.

Ты по земле идёшь из года в год
И шелест буйных трав всё нарастает...
Так ласточки перед дождём летают,
Так пчёлы собирают жаркий мёд...

* * *

Нике Турбиной

Откуда эта мудрая печаль?..
Стих плакальщиц, замороженных плачем,
Всегда итог: не различить начал.
Пошли, Господь, тебе во всём удачу.

Слова растут неслышно, как трава,
Которую посеял ветер знойный.
Душа твоя в неведеньи права,
Пошли, Господь, тебе судьбы достойной.

У тайны нет начала, но конец
И часто, и печально так известен...
Да не убьют тебя приливы песен,
В крови твоей не замолчит скворец...

* * *

Александру Вагину

Такой прозрачный, нежный человек,
Измученный пространством и полётом,
И памятью, стекающей в аорту,
Как кровь из раны на вчерашний снег...
Такой прозрачный, нежный человек.

Поэтам шестидесятникам

Тогда мне было только десять,
А не шестнадцать нежных лет,
Была не с ними и не здесь я –
В пространстве, где кумиров нет.

Как тень крыла, как мост над бездной,
Лишь обозначены в судьбе,
Их опыт, дивно-бесполезный,
Я не позволила себе.

Меня их тексты не растили,
В избытке сил, в захлёбе слов
Я догадалась: дар России –
Неразделённая любовь.

Они хрипели в микрофоны,
Где слово каждое – как взрыв,
Но не услышат стадионы,
Как Музы плакали навзрыд.

14 апреля 2018 г

* * *

Белле Ахмадулиной

Была ли Белла? Абрис боли,
Разъятие на строфы света...
Всё кони мчатся чистым полем
Зимой ли, летом...

Струятся гривы золотые,
Обласканы восторгом ветра...
Была ли Белла в той России,
Которой нету?..

Чей голос с тайной полуплача
Кого-то ранит в поле белом,
Чьи кони отрешённо скачут?..
Была ли Белла?..

Ночь на 1 апреля 2017 г

Ритм

Сэде Вермишевой

Трудно дышать. Ты почти убит.
Солнце, как кровь, разливается в лужах.
А это просто нарушен ритм.
Ритм нарушен.

Жизнь оступается в боль и страх.
День задохнулся надгробным плачем.
Гноится слово, течёт в устах:
Ритм утрачен!

Пусто и холодно. Мир, как склеп.
И, как спасенье, в окне, под вечер:
Как сахаром, кто-то посыпал хлеб –
Идёт такой настоящий снег!
В ритме вечном.

14 сентября 2016 г

Сэде Вермишевой

Мы говорили мало, но легко
О том, что два часа вместить успели.
Москва готовилась принять Успенье,
Вершины храмов плыли высоко.

В ней отзывался полнозвучьем род
Князей армянских. На высокой ноте
Ответ искала. Тот, что не находят:
Зачем так трудно наш живёт народ?

Болела этим от начала дней,
Жизнь мерила той справедливой мерой,
Которая давно лишилась веры,
А истина истлела вместе с ней.

Она хотела примирить, понять,
Как мать на всех с одним кусочком хлеба,
Но всем хватает разве только неба,
Всё остальное можно и отнять.

Мы говорили, проясняя суть
Библейской простотой иносказаний,
Так книги очень старого издания
Вдруг откровенье новое несут.

Мы говорили, словно пастухи,
Что встретились в предгорьях Арарата.
Чуть вечерело. И Успенье завтра.
Я попросила почитать стихи...

Ночь на 28 августа 2015 г

* * *

Зинаиде Миркиной

Лишь говорю об этой полноте,
Но есть другие, солнечные, те,
Кто пережил в себе дыханье Рая
В восторге ветра, в пламени костра,
И чья душа доверчиво чиста,
И страха, и сомнения не знает.

Я прикоснулась к сути слухом всем,
Мне было тесно среди жирных стен
Пространств убогих, вязких, как порок,
Без музыки. Пусть в самой глубине
Она живёт, рождается во мне,
Но я боюсь расслышать: вдруг там Бог.

Нет страха горше, чище и больней,
Он в человеке от начала дней,
Он смысл тревог и тёмный жар молитв,
Без страха встречи ты, как дом пустой:
Тебя лишь приютили на постой –
Об этой пустоте душа болит...

*Декабрь 2016 г
Сидней*

* * *

Антонине и Фазилю Искандерам

Слова гостеприимны в простоте,
Как ангелы домашние, всеильны,
Шуршат по дому, утомляя крылья,
Отбрасывая тени на листе.

Два письменных стола судьбы одной
Плывут в ночи ковчегами завета,
И плачет муза старого поэта,
И вьётся голубь жизни за спиной.

Ночь на 14 марта 2018 г

* * *

Антонине Искандер

В безликой бесприютности изгнания,
На дачах в Переделкинских лесах,
Больных угрюмым ожиданьем смерти,
Томятся вдовы.
Классики ушли
на Новодевичье своей дорогой,
Но часто птицы странные в ночи
Заглядывают в окна виновато,
Шуршат в геранях красных у крыльца,
Теряют перья на пороге дома.
Им кошки изумлённо вслед глядят,
Знакомый запах носят, как халат,
И учат полуслепеньких котят
Определять хозяина...

*Ночь с 6 на 7 августа 2018 г
Переделкино*

* * *

Фазилю Искандеру

Им нужен был виночерпий.
Бездомные тихие Боги
С глазами больных фиалок
Ходили в даль спящих сказок:
Кто горным ручьём,
Кто вздохом усталого жёлтого ветра,
Женатого на закатах
заблудшего солнца рая...
Ходили они, бродили, топтали
Даль сказок – странно –
которых никто зачем-то,
Никто никогда не помнил.
Но Боги – они бесцельны,
Для них нет путей напрасных,
Лишь нужен был виночерпий,
Который бы им в дорогу
посмел сочинять вино.
За пазухой выси горней
они его повстречали.

5 августа 2018 г

*«Поэзии дома и бездомья»
Фазиля Искандера*

Потеряны ключи от дома,
А дом сияет и в ночи,
И мир, встревоженно-огромный,
Вокруг молчит.

Ключи, как музыка, пропали.
Перетряхнув душевный хлам,
В бездонных омотах искали,
Но нет их там.

Бесцветно мудрость догнивает,
Дух притупился, ложью сыт,
И человек не понимает,
Что дом открыт.

1 сентября 2018 г

Тарево

Антонине Искандер

Свет разливали. Звонкий хруст
Сминался, гранями блистая,
Как нимбов прошумела стая
Иль ангел слово сдунул с уст.

Катился полдня жидкий круг,
Разматывая грани шара,
Пока душа себя вмещала
Всё слышен свет. Всё виден звук.

15 июля 2018 г

* * *

Анне Шишко

Традиция становится обузой,
Когда она судьбой стремится стать.
На потолке следы босые музы:
Сама себя пыталась избежать.

Молчанья кровеносные сосуды
Наполнены пропетым до краёв,
И жизнь, как рана, зарастает зудом:
Как ни скреби – не заструится кровь.

Все истины растерзаны со страстью –
Пир людоедов на страницах снов.
Традиция становится несчастьем,
Пока её не приютит любовь.

Истории рассыпанные бусы
В священный текст никто не соберёт,
А на снегу следы босые музы
Щекочут землю. И трава растёт.

20 марта 2017 г

* * *

Анне Шишко

Я собираю лоскутки,
Обрывки ветра, тёмный шорох,
Луч золотой на печальных шторах,
И тайны писем от руки.

Я собираю всё подряд:
Осколки, вдохи, голос ломкий,
Кувшина синь на книжной полке,
Кленовый лист, кошачий взгляд.

Я собираю всё как есть:
Изданье собственных бессонниц,
Свою зардевшуюся совесть
И по крупицам чью-то честь.

Сокровищ всех не сосчитать,
Они в коробке из-под чуда.
Я вынимаю их оттуда,
Когда попросятся отдать.

13 марта 2015 г

* * *

Константину Скворцову

Есть мужики в литературе –
Особая порода, статья.
Им брёвна топором ошкурить
И книгу, как судьбу, сверстать –
Всё нипочём, душа такая:
В мешке заплечном за спиной
Не славу – Родину таскают,
Измучены её судьбой.
Есть мужики, их голос нежен,
Над ними журавлиный плач,
И слова трепетный подснежник
В них не растопчет и палач.

Есть мужики в литературе.

7 июля 2018 г

Вспоминая безумных поэтов

Крошили ветры снег, как прах,
В лицо, за ворот, в подворотню,
И подворывали ноты
У ветра стылые уста.

Пропеть хотелось, продышать
Парк в белой пелене метели,
Гармонию колонн Растрелли
И тех, кто умер, как расстрелян,
Кому себя не избежать.

Бездомным шёпотом страниц
Идут снега и днём, и ночью,
Как Парки старые бормочут
Судеб непрожитых подстрочник,
Мелькание имён и лиц...

10 июня 2018 г

* * *

Александре Завьяловой

Матушка-водица,
Кланяюсь низко
Стеблем придорожным.
Тайна твоя близко –
Узнать невозможно.
Госпожа-водица,
Ты откуда, кто ты?
Чей кувшин разбился
Для твоей свободы?
Царица-водица,
Пробудись от слова,
Памятью умыться
Я твоей готова.
Сестрица-водица,
Капельку за каплей
Пить и не напиться –
Тайна не иссякнет...
Матушка-водица,
Госпожа-водица,
Царица-водица...

* * *

И.П.

Глубокий сон под буквой Ять
Невнятен образом и смыслом.
У времени себя украсть
Случилось быстро.
И плачет лёгкая душа
В плену заветов,
Жизнь только тем и хороша,
Что здесь, об этом...
Печаль пространства помнит свет
Ушедших смыслов.
Спит Ять, которой больше нет,
Жизнь молча смотрит тебе вслед:
Ты был так близко.

Шекспиру

Века идут, и длится пир,
Где все равны: богач и нищий,
Где виночерпий – сам Всевышний,
И где хозяин – сам Шекспир.

6 апреля 2016 г

Пишу на фоне Ли Бо

Измучила последняя строка:
Невнятной рифмой раненое слово.
Ли Бо прошёл. Серебряной подковой
В лугах блеснула тихая река.

Ли Бо прошёл. И в след, что было сил,
Пустилась утка с выводком вприпрыжку,
Журавль на фоне неба погостил
И дерзновенно устремился выше.

Ли Бо прошёл. Кувшинкою в устах
Сияла слова детская припухлость,
А я терзала на краю листа
У вечности украденные буквы.

Цедила осень свет издалека,
И книги пахли человеческой ложью...
Ли Бо прошёл. И времени река
Его несёт и унести не может.

18-19 сентября 2017 г

*Маргарет Кавендиш,
герцогине Ньюкасл-на-Тайне*

Триста сорок лет тому
Умирала Герцогиня
И моё шептала имя,
Непонятно почему.

Посмотрела наугад
В двадцать первое столетье,
Я поймала её взгляд
И успела ей ответить.

На столе священной грудой
Листья жёлтые стихов,
Жар фамильных изумрудов
И прозрачных пальцев лёд.

Запах мускуса и перца,
А в зеркальной полутьме
В мир иной открыта дверца,
В мир, увиденный во сне.

Ночь домчится до рассвета
На гарцующих конях,
Вещая душа поэта
В рифме навестит меня.

Тот английский — мёд текучий,
На устах — пчелиный рой...
Память о тебе измучив,
Дверь найду, а ты открой.

Ночь на 4 марта 2013 г

* * *

Федерико Гарсия Лорке

Золотая пыль Испании –
Страсть смертельная во всём,
Смех, исторгнутый рыданием,
Песню опалил огнём.

Все мы этой песни узники:
Проникающий в стихах
Голос древней Андалузии
Никогда в нас не стихал.

Золотая пыль Испании –
Страсть смертельная, как жизнь...
Голос Лорки – сокол раненый –
Песней на губах дрожит

* * *

Федерико Гарсия Лорке

«Федерико...» – и сны отлетали прочь,
Вырастала душа до крика.
Голос звал и раскалывал жадно ночь:
«Федерико...»

Стёрся в пыль столетий обвал,
Сгнили гнёзда орлов и чаек...
«Федерико...» – а голос всё звал и звал –
Даже эхо не отвечает.

Знала только имени звук:
«Федерико...» А дальше – тайна.
На земле караулит озноб разлук –
В песне встретимся не случайно.

Лариссе Андерсен, Норе Крук

Захлёбываясь русскими стихами,
По русским переулкам Харбина ,
Шли девочки с лучистыми глазами,
И не в Россию их судьба вела.

Живым цветком в них трепетало слово,
Как дар далёких северных небес.
Россия миру соткала обнову:
Стихи неслышных русских поэтесс.

В заморских странах, в неоглядной дали,
В парижской зацелованной глуши
Они слова предельные искали,
Ломая руки и карандаши.

Стесняясь жизни сладкой и спокойной,
Стихами омывали по ночам
Далёкую Голгофу, ужас, войны...
Не гасла в них заветная свеча.

Захлёбываясь русскими стихами,
Вдоль русских переулков Харбина
Шли девочки с лучистыми глазами,
И не в Россию их судьба вела.

* * *

Норе Крук

Большие деревья сквозь ночь растут,
Их корни пьют серебро
Далёких лун на краю минут,
Где время давно прошло.

Большие деревья целуют день
На тысячи лет вперёд...
Кого спасёт их святая тень?
Где семя их упадёт?...

Большие деревья уходят прочь:
Все сроки у них в крови.
Они приходили, чтоб нам помочь, —
Не выжившим без любви...

*Январь 2013 г
Австралия*

* * *

Артуру Рембо

Мальчик мой, тоненький, слабый росток,
Весь – гениальное слово,
Ты, как корабль, отплыл на Восток,
Вечером, в четверть шестого.

Видел ты блики нездешней зари
В каждом своём озаренье,
Тихой улыбкой сжигал корабли,
Слышалось вечное пенье...

Сквозь океан обретённой тоски,
Сквозь переводов наплывы,
Мальчик мой, время сжимает виски,
Вслед тебе прыгнув с обрыва.

* * *

Гертруде Стайн

У Гертруды Стайн не хватало слов
Рассказать, как растут слова,
Из мышинных нор запотевших снов
Вытекала рекой сова.

Сто совиных глаз заливали даль,
Шелестела ночь, как орда,
На Гертруде Стайн мир лежал, как шаль,
Что связала она сама.

Ковырять пером память слов немых,
Кровь из раны слизнуть, как зверь,
Не слова, а боль выбираем мы
Высшим смыслом своих потерь.

За порогом слов никого не жаль,
Но совиный глаз, как гнойник...
На Гертруде Стайн догнивает шаль
Избежавших забвенья книг.

*20 марта 2015 г
Час солнечного затмения*

* * *

Уистен Хью Оден

Детство, в котором церковные своды
Были порогом к старинному раю,
Тоненький мальчик, возможно, Оден,
На ветхом пороге словом играет.

С мечтой быть исландцем,
 пусть в вечном прошлом,
Пусть поколений назад тому,
Тоненький мальчик,
 как дух непорочный,
Вкушает словом и свет, и тьму.

То греческий, то латинский – своды
Другого храма, где он, как бог,
Впадает в истину переводов,
Теряя веру, как кровь, меж строк.

Дом, в котором родился Оден, –
Он и сейчас один на всех.
Может быть, он ещё не продан?
Смеётся мальчик. Счастливый смех.

30 марта 2017 г

* * *

Рудольфу Штайнеру

Переживите терцию в мажоре,
Как царственный намёк, открыто, строго,
Загадку неземного дирижёра:
Как музыка в себя вмещает Бога.

Как человек открыт тоске Мистерий
До-ми, фа-ля, вслед квинта рвётся птицей.
Бог в совершенстве навсегда потерян
И музыкой в беспамятство стучится.

Переживите терцию в мажоре...

22 июня 2018 г

ОТ АЗЬ ДО ЯТЬ

Обезьяна

Поёт обезьяна,
на мокрой лиане повиснув,
Восторгом измучено
дряблое старое горло.
В ночные, холодные, мокрые,
скользкие листья
Луна обронила свою
четвертушку покорно.

До звёзд далеко.
Динозавры уже все крылаты.
Земля затаилась в ночи
перед дальним разбегом...
Поёт обезьяна:
мычит восхищённо, невнятно,
И слёзы бегут по щекам,
как дороги на небо.

Ночь на 26 декабря 2016 г

* * *

Я кланялась от Азь до Ять –
Священным буквам, им молилась.
Просила оказать мне милость
Всей полнотой во мне звучать.
В иных мирах их след живой,
Как песню, слышала во сне я –
О большем рассказать не смею:
Богатыри стоят стеной.
Все тридцать три, я им слуга,
И это – трудное искусство.
Они и есть – народ мой русский:
Азь, Буки, Веди – Азбука.

* * *

Жизнь поэта – мера пребывания
Здесь и там, тот полустанок синий
Без примет, без точного названья,
Где немногие из нас гостили.

Золотые чаши равновесья:
Память и забвенье – дар и тайна..
Вздохом можно чашу перевесить
И нарушить меру пребывания.

* * *

Ночь читала стихи.
И июльское небо держалось
На высоких, зовущих,
тревожно бесстрашных словах...
Жар молитвы, тоска, сны,
надежды, щемящая жалость
Невозможную песней дышали
у ночи в устах.
Как высокая песня сжигала
притихшие травы,
Как гудели деревья,
разбужены волей стихий...
И в своей простоте невозможной –
до ужаса правы –
Шли слова по аллеям.
Ночь читала стихи.
Михайловское, 1980

Утро

Я тишину сливала, как в кувшины,
В желанное пространство старых слов.
Горел, дымился, плавился восток,
Являя жизнь, как счастье без причины.

В открытую судьбу стремился день,
По всем приметам –
первый день творенья,
Неслышное ещё стихотворенье,
Как облако, отбрасывало тень.

Жизнь удалась эпохе вопреки,
Её я избегала, как подранок
Боится стаи, и лелеет рану,
И прячет свой полёт в свои стихи.

Ночь на 1 апреля 2017 г

* * *

Вся жизнь моя – от дельты до истока –
Бурлацкий путь.
Отечество не ласково к пророкам,
И как-нибудь,
Переменясь с хлебушка на воду
В снегах зимы,
Поёшь среди оглохшего народа –
Бог дал займы.

Так и тащусь от дельты до истока
Долги отдать...
Пророчества исполнятся до срока
От Азь до Ять.

* * *

Я шелестела вечностью: слова
Слетали на страницу звёздной пылью,
И запах звёзд – коричный дух с ванилью,
Свербил в носу, пощипывал глаза...

Усталым солнцем захлебнулась высь,
Мои восторги зарастали мхами.
Я шелестела вечностью: лились
Слова, надеясь стать стихами...

*7 января 2015 г
Австралия*

* * *

Эту бездну в себе
я измерила собственным словом:
Ошибись я однажды,
 ко мне никогда не вернётся
Холод сонных долин,
 где и жизни не ткётся основа,
Эхо чутких снегов,
 над которыми ангел несётся.

Ошибись я однажды, –
 была бы сыта и одета
В плен шелков, о которых мечта
 износилась в лохмотья...
Эту бездну в себе
я измерила жизнью поэта,
Вырываясь из плена безжалостной,
 царственной плоти.

* * *

Обыденная жизнь стола:
Семь ящичков, набитых смыслом,
А надо всем – две просто мысли,
Не облечённые в слова.

Двух молний золотой огонь:
Бесчувствие и озаренье.
Предвестие стихотворенья,
Ушедшего от всех погонь.

Край, пропасть, лезвие, обвал,
Истома смертного запрета.
Но вот Творец поцеловал,
И жизнь в беспамятстве пропета.

Таинственная жизнь ствола:
Арийский дух коры дубовой...
И зреет мир, засеян словом,
И лист на краешке стола.

Глагол

И, силой мускулов играя,
Глаголы треснули по швам:
В них заключённая душа
Мир сотворяет.

Ты истекаешь сутью слов
И никогда не замечаешь,
Что жизнь, как эхо, отвечает
На твой же зов.

Бессмертна жизнь, пока глагол
Пребудет в человеческой речи.
Как мало тех, чьё слово лечит...
Глаголь!

29 января 2017 г

Неравенство значения и смысла

Тревожную пронзительность начал
Я удивлённо открывала в слове,
Изъедены значеньями, как молью,
Они просили смысла по ночам.

Мы пьём их, как заученную весть,
И выгрызаем изнутри, как корку.
Уверены, что в слове смысла столько,
Сколько готовы из него извлечь.

Душа играет смыслом – не значеньем,
Значение чему ни придавай,
Ты словом или сотворишь рай,
Иль прах земной: песок стихотворений.

29 января 2017 г

Гласные

Я слишком взволнована
долгой бескрылостью речи
Моих собеседников.

Гласные просят согласья.
Закаты густые,
как наспех размазанный кетчуп, –
Рекламы всевластье.

О, долгое **О** обживала,
как старое платье,
Которое носишь по будням
и в праздники тоже,
Бессонно и нежно
округлое это объятье,
Как дряблая кожа.

Я мучилось тайной пространства,
где зеркало в каждом,
Я страстно боялось с собой разминуться,
как пытка.

Закаты шли горлом,
и пенилась древняя жажда
Последней попытки.

Всё стрАстнО звУчАлО.
МЫ в ЭтОй свЯщЕннОй ЮдОли
Лишь глАснЫмИ пишем
скрижали судьбы золотые,
И нАм Остаётся себе
ОбрЕчённО позволИть
ЗвУчАть, кАк впЕрвыЕ.

23 июля 2017 г

За словом

За словом даль, не знающая слов,
Неуловимость, несказанность, лепет,
На атомы разъятый смысл, как пепел,
Как вечный зов.

За словом дремлет тайна всех начал
В космическом чепце немой старухой,
Гул космоса не достигает слуха...
Блажен, кто, смысл не зная, промолчал.

30 августа 2016 г

* * *

Во мне струилась книга, как поток:
Идеи, смыслы, лёгкий привкус света,
И брызги слов, как искорки рассвета,
Когда ещё не зазвучал восток.

Несло, смывало шёпотом страниц
В глубины Духа, жаждущего ритма,
Душа была за горизонт открыта,
Обласканный рычаньем диких львиц.

Сюжет – больной.

Как призрак, дым, пустяк.
Он слишком мал и слишком человечен.
Я утекала в бессловесность речи,
И книга была мною на сносях.

21 мая 2017 г

* * *

«Помру и некому читать Псалмы, –
Сказала бабка. – Страшно только это:
Как уходить отсюда не отпетой?»
И долго-долго с ней молчали мы.

Но смотрит на меня, решая что-то,
И говорит: «А не взялась бы ты?
Стихи писать – похожая работа...»
И старенькую достаёт Псалтирь.

* * *

Как на груди могучей вещицы птицы,
Спала на палубе крылатой шхуны
Под парусами в голубой цветочек,
И всюду, всюду, безнадежно всюду
Был Океан.

И всей Земли прапамять
Могла я зачерпнуть в свои ладони
И пригубить,
Когда бы так не страшно:
Такое знание даром не дают...

Но у меня была своя работа:
Я считывала с вод великий список
От века всех ушедших в это лоно.
Какие имена! На всех наречьях
Живых и мёртвых! Какие имена!

На жизнь, пожалуй, хватит мне
Заботы: всех помянуть!

* * *

Мне посоветовали умереть
И рукопись прервать на полуслове...
И сразу выйдет книга с предисловьем,
Где раннюю мою оплачут смерть.

Пути другого для стихов моих
Не видит их восторженный читатель,
В глаза твердит заботливый издатель,
Что после смерти заживёт мой стих.

Мне логика такая не с руки,
Хотя известны всем её примеры...
Бог даст мне силы, мужества и веры –
Не осквернить отчаяньем стихи.

1987 г

* * *

Слава уходит в чужом обличье,
Рванный хитон запахнув поглубже.
Не окликаю, я не обидчив,
Не оставляю на скудный ужин.

Слишком встревожена разным вздором,
Не присягал ей и знал, что бросит.
Слава уходит. За дверью шорох...
Муза? Котёнок? Иль слова просят?

4 января 2018 г

* * *

Я всё придумала сама:
Все Откровенья, все слова,
Все сказки, мифы, все названья,
Значенья, смыслы, прочий вздор...
Как несмываемый позор,
Моё признание.

Я словом погрузила в сон
Мир, избегающий бессмертья,
И я одна сейчас в ответе
За то, что не проснулся он.

Во мне начало всех концов,
Я – оправданье подлецов,
Толмач, над Библией истлевший.
Я всё придумала, как есть.
В моей любви живая месть
Фонтаном хлещет.

Из вещей слов сочится ложь.
Я – их последнее издание.
Кому опять вонзили нож,
Нарушив словом мирозданье?!

Мы сочинили всё, как есть...

5 сентября 2014 г

*Народ за рифму держится,
как встарь*

У языка таинственное жало:
С младенчества в уста поцеловать,
И чтобы слово, как вторая мать,
Тебя без устали всю жизнь рождало.

Народ безмолвствует? Народ творит.
Наш мозг изъеден рифмой – самый ржавый:
Бессмертен коллективный наш Державин
И жив пиит!

19 августа 2016 г

* * *

И полчища пишущих, как будто плачущих,
Как гордые нищие за подаянием,
Свободы в слове беспечно жаждущих,
В избытке горечи без покаяния,
Воруют у слова кто смысл, кто музыку,
На волю рвутся, взыскую истину..
В плену иллюзий святые узники –
Свобода слова самоубийственна.

2 февраля 2018 г

* * *

Меня не наполняет той водой.
Я проплыла, на берегу стяхнула
Прилипшие песчинки слёз колючих.
Пусть солнце притворяется судьбой,
Неосторожно спрятанной за тучей.

Меня не напоить избытком слов,
В метафоры закованных, как в лица,
И как с души не совлекай покров,
Ей не придётся заново родиться.

Течёт из бездны в бездну, как река,
Лишь дикое стремление к началу,
И скорбно дорастает до стиха
Метафора, которой промолчала.

Меня не наполняет влагой той,
Мне ритм её мешает захлебнуться:
Не вечность разбивается, а блюдец,

Хотя оно и с кромкой золотой.

30 марта 2017 г

* * *

Вокруг меня обмылки русской речи,
Иду в толпе, и обморок мой тих:
Оболган, исковеркан, изувечен
Идёт Язык.

18 сентября 2016 г

И ВСЁ УСЛЫШИТ ЕГО

Двенадцать

Они стояли друг за другом, сжатые в пространстве и размытые во времени. Из определённой перспективы их можно было принять за одну точку. Десять мужчин. Две женщины. Первого в шеренге вывели вперёд. Стреляли почти в упор. Когда он упал, эта же пуля прошла навывлет ещё четверых. Остальных разметало силой её ударной волны. На одной из женщин эта волна захлестнулась верёвочной петлёй. Один из них, трепетный и нежный, умер в момент зачатия на нарах под Владивостоком. Ещё один, гигант духа, был брошен в общую камеру Владимирского Централа. Следующий, дух которого неизмерим нашими понятиями, живым был зарыт в золотоносную землю Колымы. Трое, как будто устоявших на ногах, умерли от разрыва сердца в самый момент выстрела, но продолжали казаться живыми, каждый день умирая заново.

Двенадцать человек одной пулей:

А. Пушкин
М. Лермонтов
Н. Гумилёв
С. Есенин
В. Маяковский
М. Цветаева
О. Мандельштам
Д. Андреев
В. Шаламов
А. Ахматова
А. Блок
Б. Пастернак

Это случилось 10 февраля 1837 года.

Пушкина нельзя было убивать. Останься он жив, – мы все прожили бы другую историю.

10 февраля 2012 г

Пушкин

С годами становится понятным, что Пушкин давно превратился в космический принцип нашего бытия. Только так он смог выжить в нашем душно-взволнованном почитании,

в нашем пристальном, преувеличенном внимании к каждому его слову, вздоху, поступку, в надеждах, которые мы на него возлагали, как вериги, в поисках его тайн, где мы легко подменяли его собой. Когда одно имя, один образ так распластывают в истории, так препарируют, используют, так затыкают им все дыры, так душат в объятиях, – то обыкновенное, отчётливое, прозрачное неприятие кажется целомудреннее и предпочтительнее. Но нам это не грозит. Мы будем и дальше припадать к Пушкину в поисках силы, в поисках собственного оправдания, захлёбываясь в любовном экстазе его юбилеев, дат, новых открытий и новых фантазмагорических прочтений. Пушкин – это ведь наше всё. Он – давно мы. Мы его поглотили, прожевали, скормили сами себе. А он спокоен. Он не имеет к нам отношения. Космический принцип – это абсолютная реальность. Ей памятника не поставишь. Она просто есть.

6 июня 2018 г

Поэт

В трудную минуту жрецы слушали молчаливую красоту своего ума и каждый доставал оттуда одно слово. Получалась фраза из пяти слов – жрецов всегда было пятеро. Эта фраза была драгоценностью для племени. Смысл её разгадывали иногда веками. Она была кормилицей для каждого: лечила, помогала при родах, объясняла отношения с природой.

У каждого жреца было своё тысячелетнее Дерево в глубине леса, и дух Дерева давал силу. Был у каждого и свой Вулкан... Обычно это были старые, давно уснувшие вулканы, часто просто небольшие холмы с виду. И только жрец знал, что сон их чуток... Жрец и Вулкан общались в назначенный срок, и жрец мог бы многое рассказать о жизни Земли в непредставимо далёкие времена...

Каждому из жрецов полагался и свой Кит. Но тут были трудности. Кит мог быть назначен оракулом только для того, кто побывал в его чреве и вернулся живым обратно. Таких, за всю историю племени, было немного. Их почитали особенно, и легенды о них передавались специ-

ально назначенными людьми. Во сне они заучивали наизусть текст, который наговаривал жрец: в правильном темпе, с нужными интонациями и паузами. Дети племени из тысячелетия в тысячелетие росли с этим текстом. Как замороженные, они много раз слушали рассказ о том, что из чрева кита человек выходит с белыми глазами, белой кожей и совершенно лысой головой... И такой человек обречён стать жрецом. Это считается великим благословением Океана и его правителей: Китов. В памяти бесчисленных поколений теплилось знание о том, что Киты являются настройщиками вод: они держат связь с безмолвными водами Космоса: поэтому все воды Земли находятся в священном равновесии. Уже несколько столетий не было в племени жреца, прошедшего через чрево китово. И каждый жил с этой мыслью и ждал чуда.

Дети играли на берегу. На закате, когда собрались домой, одной девочки не оказалось. Искали два дня. Деревня готовилась к трауру. Утром третьего дня мимо деревни проплывали киты. Было их необычно много. Все сбежались на берег. Прямо напротив деревни киты выстрелили в небо огромными фонтанами,

окрашенными закатным светом, и забили плавниками, высоко выпрыгивая из воды.

Заворожённое племя во главе со жрецами молилось всем богам сразу. Киты ещё и ещё раз совершили свои невероятные прыжки, прежде чем их блестящие мощные спины скрылись под водой. Стало оглушительно тихо.

Девочка лежала на берегу. Её тоненькое тело на чёрном песке было ослепляюще белым. Признаков жизни не было. Жрецы подошли первыми, окружили её. И через несколько мгновений она открыла глаза. Абсолютно белые. Цвет их был съеден, как и пигментация кожи. От её роскошных, чёрных волос не осталось и следа. В племя пришла беда.

Даже мысль о том, что женщина может стать жрецом, казалась преступлением. Племя заволновалось. Жрецы успокаивали. Запросили помощи у высших сил. Каждый сходил к своему Дереву, к своему Вулкану. А потом достал слово из глубин своего успокоенного сознания. Фраза из пяти слов гласила: «Слушать небо. Девочка станет жрицей». Эту фразу вручили каждому из племени: жрецы целый день сидели на берегу, и к ним тянулась нескончаемая вереница чёрных, блестящих тел...

К девочке жрецы пошли сами. Объявили волю неба. Сказали, что будут её учить. «Но я не хочу», – ответила девочка. Обморок жрецов длился три дня. Тревожная, мёртвая тишина висела над деревней.

Пошли опять к Священным деревьям и Вулканам. Вулканы проснулись, задышали. Земля вокруг них нагрелась, брызнула горячими гейзерами. Был получен ответ: «Делать то, что она хочет».

Совершенно белое, прозрачное существо с белыми глазами, с лысой головой сидело на берегу Океана, обхватив колени тоненькими длинными руками... «Что ты хочешь?» – с затаённым страхом спросили жрецы. «Я хочу петь», – ответила девочка. «Но ты должна стать жрицей. Спаси нас всех». «Может быть, петь – это и быть жрицей?» – девочка подняла на них свои белые зрачки и жрецы содрогнулись. «Я помню все истории о китовом человеке. Я их всегда боялась. И теперь я сама китовый человек. И я хочу петь». «Что, что ты хочешь петь?» «Я не знаю. Но я могу попробовать. А вы сами решайте или отпустите меня обратно, в Океан».

Утром племя собралось на берегу. Девочка стояла поодаль, жрецы – рядом, не спуская с неё глаз. Первые лучи восхода коснулись воды, девочка обречённо закрыла глаза, вдохнула и запела. Голос опустился под Землю и очень долго не возвращался, обжигая сердца одной единственной глубинной нотой, из бездны земной метнулся в небо, пересчитал звёзды хрустальным звоном, вспенил Океан изнутри, и тысячи могучих китов всплыли одновременно, и спины их, как живой щит, закрыли половину Океана. Продолжая петь, она вошла в воду и легко побежала по китовым спинам. Голос её звучал издалека. А потом живой щит заколебался, сдвинулся с места и одним рывком бросил девочку на берег. Жрецы лежали в приветственном поклоне, а племя стояло на коленях, вытянув к ней руки. Киты мощно ударили плавниками, воды взметнулись к небу, но уже через несколько минут наступила великая тишина. Обломок Гондваны продолжал незаметно дрейфовать. Первый поэт на Земле родился. Началась История.

*Новая Зеландия
2016 г*

И всё услышит его

Он что-то говорил. Некоторые слова я понимала, но другие были обглоданы смыслами до неузнаваемости. Луна набухала розовым, как просочившейся кровью, и всё тяжелела и тяжелела – наверное, готовилась упасть на Землю. Давно тянет. Меня огорчала первобытная съеденность его речи и пугала эта тяжёлая, раненая Луна. Жизнь высывала только кончик языка из щели отчаяния, куда человек попадает не по своей воле, чтобы не догадаться, что по своей. На чём-то ещё держится мироздание. Надо только убедить себя, что ход планет остался прежним и тяжёлая поступь дней неизменна. Вот и я сегодня объявила себе торжественную дату наступившего дня: календарь не отменяет даже отчаяние. Опять нужно соединить все противоречия, раны, все нити, все осколки существования.

Так и слово каждый раз готовится избежать смыслов, которыми его распинают. Особенно в стихах. Стыдом дымятся страницы. Слова стоят, как обезглавленные генералы, не снявшие мундиров. Дожёвывая смыслы

измученных слов, мир неизбежно лжёт. Просто хочется смыть покровы, обсосать леденец до жжения на языке, до боли, расковырять незаживающую рану младенческой бездомности, достучаться до Вечности – вдруг откроют.

Писать – это искать безмолвия, пылать им. Когда бабочки встречали твою душу рядом с Землёй, – они не обещали слова. Их блаженство было тотальным, пронизывающим всю глубину жизни: всё выражено навсегда. Но никто не предупреждал, что надо будет заново рождать смыслы. Что ты – это и есть смысл. Поэзия стала способом избежать реальности, хотя она и есть реальность. Нашествие стихотворчества и стихотворцев – космическая мутация, неуправляемое стихийное бедствие. Полчища смешивают слово с прахом. В поисках истины. Это данность: мир выживает, как умеет...

Луна тяжелеет на глазах, набухая красной влагой, как раненая в живот женственность. Какого цвета ваши чернила? Я пишу белыми по белой зыбкости Бытия. Но кто-то читает чёрные буквы моих признаний и придаёт им свой смысл. Предаёт. В раю стирают засаленные одежды наших ожиданий, в надежде, что

мы попадём в цель каждым вдохом. Но мы изошрённое ангельских забот: наш вдох смердит. Слово, прах и кровь – скрепляющий замес нашего существования.

Придёт мальчик. Обмакнёт в мои сны обглоданное перо своего вдохновения и скажет – как промолчит. И всё услышит его.

19 июня 2017 г

«И зреет мир, засеян словом»

Эта книга – поэтическое осмысление судеб поэтов и откровенный рассказ о творении собственной поэтической судьбы.

Было бы правильным поместить на обложке книги несколько ёмких программных строк:

- «Эту бездну в себе я измерила собственным словом»...
- «Чтобы слово живое звенело в стихах»...
- «Вырываясь из плена безжалостной, царственной плоти»...
- «Как мало тех, чьё слово лечит»...
- «Дальше звезды иногда в небе бродит поэт»...
- «В песне встретимся не случайно».

Любая из них могла бы дать название всей книге или её разделам.

Слышать Живое Слово – Дар, редкий и драгоценный, знать, что оно слышно в творящей тишине пространства и Духа – открытие носителя и хранителя редкостного сокровища.

Судьбы поэтов в поэтическом осмыслении доказывают, что носители Дара, кующие себе бессмертие из кажущейся эфемерности ткани Слова парадоксальным образом этой неосязаемой тканью цементируют пространства вечности, в которых их «судьбу уже ничто не обездолит». «Слово, прах и кровь – скрепляющий замес нашего существования», – утверждает автор книги. Есть в этом бесстрашном противостоянии поэзия Голгофы. Но и у бесстрашного поэта, проходящего в неведомое, есть свои тревожные опасения: когда страшно вскрыть до конца глубину прохождения: «вдруг там Бог».

Поэт то ли зацикливает время, останавливает и переворачивает его, превращая в ленту Мёбиуса, соединяющую миры видимые и невидимые: «время сжимает виски, Вслед тебе прыгнув с обрыва». А может быть, он сам течет по этой ленте Мёбиуса «среди неслышащих людей» – путём, неведомым им, не ведая пределов и конечности пути. «Жизнь поэта – мера пребывания Здесь и там».

Этот путь универсален, но каждый поэт проходит его неповторимо по-своему. Точные облики поэтов воссоздаются через присущие их творчеству ведущие настроения, самые пронзи-

тельные факты жизни и смерти, хрестоматийно узнаваемые строки и образы, через «чужое слово», как в посвящении «Александру Блоку» или «Николаю Гумилёву», неожиданно отзываются пушкинской строкой в совместной поэтической судьбе с Мандельштамом.

Поэтическое слово обладает ни с чем не сравнимой ёмкостью. Историческое движение российской словесности, момент важнейших сдвигов и осуществляющие его личности вмещается в восьмистрочие и разрешается единственной финальной строкой в посвящении Державину.

С Пушкиным у автора книги особые отношения. Чтобы их прочувствовать до конца, необходимо обратиться к прозе поэта, сотканной из «живой карусели» сновидений, прозрений и предчувствий, зеркальных отражений и углублений, когда «сон отлетал вереницей / неслышных стихов». И надо проникнуться пространством Пушкинских гор и Михайловского, простором, открывающимся на Сорочь с Савкиной горки, вдохнуть силу неба и облаков, напивавших Пушкина своими энергиями.

Им служил и служит автор стихов, ими живёт и напивается и вскармливает собственные строки, в которых удается воспроизвести давно прожитое и не погасшее мгновение, тот порыв,

что пережил молодой, почти юный Пушкин, понявший, что к нему в изгнание добрался Пушкин. Эти живые, неугасающие длящиеся в веках мгновения наполняют книгу, на страницах которой соединяется пушкинско-пушкинский январь с пастернаковским февралем. И февралем пушкинско-данзасовским. И перекликается с бальмонтским апрелем.

Поэт, страстно влюблённый в пушкинское, продолжает биение его пульса в своих живых словах, взывает к живым сердцам, находя и отмечая «чудо совпадения: Числа и буквы золотую нить», встречаясь в видениях и снах с Поэтом. Такие встречи – итог неустанных усилий воплотить в явь неслышимое Живое Слово:

Таких наград за так не добывают:
Я разрушала времени закон
Для этой встречи.

Эти встречи оказываются подаренными читателю, позволяют сопережить и сорадоваться им. Разве не каждый считал бы за честь заплатить долги поэта, чтобы услышать его счастливый смех, ощутить радость человека, высвободившегося от пут повседневности.

В этом живом общении поэта с поэтами нет «легкой гордости за причастье», свойственной

фанатам, застревающим на трагедии личности, путающим любовь к слову с любовью к посреднику.

Эта книга и про посюстороннюю жизнь поэта, не просто нелёгкую – сверхтрудную. Значится ли в реестре специальностей сегодня «поэт»? Считается ли он официально тружеником? Или почетно отделён, как священнослужитель, от государства? Может ли не ранить такая непризнанность? Но Поэт не подвластен сетям официоза. Правду жизни он слышит не в похвалах критиков, а в речи и говоре вологодских старух, в домах которых нет рекламной лжи и бескрылой речи СМИ. Они интереснее поэту, чем те, в чьих руках родное слово, словно камень.

Вокруг меня обмылки русской речи,
Иду в толпе и обморок мой тих:
Оболган, исковеркан, изувечен
Идёт Язык.

Но спасительной оказывается отделённость, обделённость и отдалённость российской глубинки, живущая неотравленной, нерафинированной, генномодифицированной жизнью. Там ничего не перепутали и тоньше и определённое, чем фанатеющие горожане, чувствуют правду слова. Две судьбы и судьба слова умещаются в восьмистишие:

«Помру и некому читать Псалмы, –
Сказала бабка. – Страшно только это:
Как уходить отсюда не отпетой?»
И долго-долго с ней молчали мы.
Но смотрит на меня, решая что-то,
И говорит: «А не взялась бы ты?
Стихи писать – похожая работа...»
И старенькую достаёт Псалтирь.

Не все труженики слова, перелопачивающие «тысячи тонн словесной руды», делают работу одного качества. Здесь есть свои ранжиры и иерархии. «Нашествие стихотворчества и стихотворцев – космическая мутация, неуправляемое стихийное бедствие. Полчища мешивают слово с прахом. В поисках истины. Это данность: мир выживает, как умеет...» Но миру так нужны мастера, хотя, наверное, и без подмастерьев не обойтись.

Истории рассыпанные бусы
В священный текст никто не соберёт,
А на снегу следы босые музы
Щекочут землю. И трава растёт.

Есть осознание того, что создаваемый из тончайших тканей мир поэта – как невидимый Китеж-град – Россия, которая должна быть, но которой нет. И всё же есть в храмовой готов-

ности принимать Дары Духа Святого. Россия живёт «справедливой мерой, которая давно лишилась веры». А нарушение звуковых ритмов оборачивается тем, что «жизнь оступается в боль и страх» и «гноится слово». И что же удивляться, что в осязаемом мире, где живут «среди жирных стен Пространств убогих, вязких, как поро, Без музыки», так немногие могут слышать проявленное Живое Слово и столь же немногие способны оживить его, дать ему жизнь, пропустив через себя. Спасают Россию поэты.

Изъедена правда. До дыр доносила
Покровы свои убиенная память.
Какие поэты спасали Россию
Стихами!

Автор выделяет двенадцать имен, убитых, по образному выражению, одной дантесовской пулей. И самостоятельно продолжает начатое и незавершенное спасение мира Словом, заставляя остановиться потерявших веру, погрузиться в себя, вспомнить через сновидения об истинном и главном:

Я словом погрузила в сон
Мир, избегающий бессмертья,
И я одна сейчас в ответе
За то, что не проснулся он.

В посюстороннем существовании поэту суждено пройти сквозь издательский цинизм – «Мне посоветовали умереть» – публиковать выгоднее посмертные издания, – и принять мужественное решение в ответ – «не осквернить отчаяньем стихи».

Этот мучительный и честный путь нужен, если хочешь, «чтобы слово, как вторая мать, Тебя без усталости всю жизнь рождало». Ведь поэт точно знает: «Бог спел меня».

Мужество не жаловаться на боль нанесенных ран и быть благодарной за всё, что встречается на пути и дает повседневность, вселяет уважение и веру:

Жизнь удалась эпохе вопреки,
Её я избегала, как подранок
Боишься стаи, и лелеешь рану,
И прячет свой полёт в свои стихи.

«Поэзия стала способом избежать реальности, хотя она и есть реальность», – осознаёт автор, видящий, как соратники по творческому цеху талантливо и мастеровито крадут себя у времени. Но время не соперник поэта, оно материал, с которым можно работать.

Видимо, потому что «лицом к лицу лица не увидеть», поэту понадобился взгляд на русскую

поэзию из Австралии, и русская стужа проникла в австралийский зной.

Снег идет рядами строк
К вам – туда, и к нам – оттуда... –

как в «Большой элегии Джону Донну» Бродского, заштриховывая разделяющие пространства. И новый взгляд рождает авторские мифологемы о китах – настройщиках Океана, хранителя прамемории земной, и обеспечивающих устойчивость Земли и выполняющих миссию, близкую к миссии Поэта.

Я считывала с вод великий список
От века всех ушедших в это лоно.
Какие имена! На всех наречьях
Живых и мёртвых! Какие имена!
На жизнь, пожалуй, хватит мне
Заботы: всех помянуть!

В небольшой по объёму книге умещается путь земного освоения Слова от обезьяны, плачущей от невозможности самовыражения, до Поэта, осознающего неравнозначность значений и смыслов.

Елена Чернозёмова
*Доктор филологических наук,
Профессор кафедры всемирной
литературы МПГУ*

Содержание

Лариса Патракова. Благодарность..... 3

ДЕРЖАВИН СПАЛ

Поэты	5
<i>Державин спал...</i>	6
<i>Руку твою держала...</i>	7
<i>Почему-то именно январь...</i>	8
<i>Закрыв глаза, смотрела в даль зеркал...</i>	10
<i>Этой ночью я одна...</i>	12
<i>С грецкий орех в середине июля...</i>	14
Озноб. Февраль в Сиднее	15
Моцарт. Пушкин	16
Сальери. Моцарт. Пушкин	17
Смеялся Пушкин	18
А.П. и Б.П.	19
<i>Всё начиналось с колыбели...</i>	20
<i>Мы встретились с Поэтом...</i>	21
Детское	22
<i>Пусть однажды приснится Полонский...</i>	24

<i>По вечерам, над ресторанами...</i>	25
<i>Как смешались легенда и кровь...</i>	26
<i>В его стихах количество камней...</i>	27
<i>Звонит дороги золотая нить...</i>	28
<i>Сонеты Солнца, мёда и Луны...</i>	29
<i>Святая закруглённость форм...</i>	30
<i>В старом доме и дерево – камень...</i>	31
<i>Из русской речи, из московских улиц...</i>	32
Цветаева и Блок	33
<i>Вся – за пределами души...</i>	34
<i>Каждое слово, слетевшее с тухлых уст...</i>	35
<i>Символика древних гербов...</i>	36
<i>Я спорила с Ахматовой однажды...</i>	37
<i>Пространство болело своей несказанною сутью...</i>	38
<i>Мучкап. Чайная. Мухи. Пастернак...</i>	40
<i>Притоком Волги, сотканный из чисел...</i>	41
<i>Слышу, слышу озабоченно...</i>	42
<i>Синий ленок я сеяла...</i>	43
<i>Как украшает время вензель этот...</i>	44
<i>Постигла солнечную суть...</i>	45
<i>И говорила – как трава растёт...</i>	46
<i>Откуда эта мудрая печаль?..</i>	47
<i>Такой прозрачный, нежный человек...</i>	48
Поэтам шестидесятникам	49
<i>Была ли Белла?..</i>	50
Ритм	51
Сэде Вермишевой	52

<i>Лишь говорю об этой полноте...</i>	54
<i>Слова гостеприимны в простоте...</i>	55
<i>В безликой бесприютности изгнанья...</i>	56
<i>Им нужен был виночерпий...</i>	57
<i>«Поэзии дома и бездомья» Фазиля Искандера</i>	58
Марево	59
Ночь	60
<i>Они сидели рядом – братья...</i>	61
<i>Традиция становится обузой...</i>	62
<i>Я собираю лоскутки...</i>	63
<i>Есть мужики в литературе...</i>	64
Вспоминая безымянных поэтов	65
<i>Матушка-водица...</i>	66
<i>Глубокий сон под буквой Ять...</i>	67
Шекспиру	68
Пишу на фоне Ли Бо	69
Ли Цин-чжао	70
<i>Уронила строку, и сквозь тысячи лет...</i>	71
Маргарет Кавендиш, герцогине Ньюкасл-на-Тайне	72
<i>Золотая пыль Испании...</i>	74
<i>«Федерико...» – и сны отлетали прочь...</i>	75
Лариссе Андерсен, Норе Крук	76
<i>Большие деревья сквозь ночь растут...</i>	77
<i>Мальчик мой, тоненький, слабый росток...</i>	78
<i>У Гертруды Стайн не хватало слов...</i>	79
<i>Детство, в котором церковные своды...</i>	80
<i>Переживите терцию в мажоре...</i>	81

ОТ АЗ ДО ЯТЬ

Обезьяна	83
<i>Я кланялась от Азъ до Ять...</i>	84
<i>Жизнь поэта – мера пребывания...</i>	85
<i>Ночь читала стихи...</i>	86
Утро	87
<i>Вся жизнь моя – от дельты до истока...</i>	88
<i>Я шелестела вечностью...</i>	89
<i>«Что надобно тебе?» – она спросила...</i>	90
<i>«Ничего не хочу! И богатства не надо...</i>	91
<i>Эту бездну в себе я измерила собственным словом...</i>	92
<i>Обыденная жизнь стола...</i>	93
<i>И отчее слово в чужих, неумелых ладонях...</i>	94
Глагол	96
Неравенство значения и смысла	97
Гласные	98
За словом	100
<i>Во мне струилась книга...</i>	101
<i>Как больно мне меняют оперенье...</i>	102
<i>Час ночи. Я не сплю...</i>	103
<i>«Помру и некому читать Псалмы...</i>	104
<i>Как на груди могучей вещицей птицы...</i>	105
<i>Мне посоветовали умереть...</i>	106
<i>Слава уходит в чужом обличье...</i>	107
<i>Я всё придумала сама...</i>	108
Народ за рифму держится, как встарь	110
<i>И полчища пишущих, как будто плачущих...</i>	111

<i>Меня не наполняет той водой...</i>	112
<i>Вокруг меня обмылки русской речи...</i>	113
<i>Не удалось себя продать...</i>	114
Бог спел меня...	115

И ВСЁ УСЛЫШИТ ЕГО

Двенадцать	117
Пушкин	118
Поэт	120
И всё услышит его	125
Е. Чернозёмова. «И зреет мир, засеян словом»	128

Литературно-художественное издание

Лариса Патракова

ЗА ПАЗУХОЙ ВЫСИ ГОРНЕЙ

Сборник стихотворений

Редактор Эльмара Фаустова

Компьютерная верстка Марина Чайкина

РОО Литературное сообщество «Новые Витражи»

Подписано в печать 4.10.2018

Гарнитура Petersburg

Формат 70x100/32

Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «Белый Ветер»

115093, Москва, ул. Щипок, д. 28,

тел. (495) 651-84-56